

Воспоминания братьев Бестужевых

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В77

В77 Воспоминания братьев Бестужевых / – М.: Книга по Требованию, 2020. –
378 с.

ISBN 978-5-458-06670-9

ISBN 978-5-458-06670-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ванъ портретъ Рылѣва, и въ то же время рѣзко запечатлѣлась личность самого воспоминавшаго. И образъ Рылѣва, и образъ его друга Николая Бестужева сливаются въ одинъ привлекательный образъ человѣка прекрасной души.

Третьему брату—Михаилу Александровичу, суждено было пережить всѣхъ своихъ братьевъ и охранить ихъ память. Онъ дожилъ до глубокой старости; старѣя, дряхлѣя физически, въ сферѣ духовной жизни онъ показалъ, что „бестужевское“ не умираетъ. Долголѣтняя каторга и ссылка не могли пройти безслѣдно для декабристовъ, вынесшихъ кару. И многіе изъ нихъ испытали сильныя перемѣны въ своей духовной личности. Тускнѣло политическое міросозерцаніе, увядаль радикализмъ мысли и настроенія, духъ возмущенія и негодованія уступалъ свое мѣсто духу покорности и смиренія. Въ борьбѣ за физическое существованіе приходилось допускать житейскіе компромиссы. Но будетъ неправъ тотъ, кто броситъ въ нихъ камень. И если бы упрекъ обращенъ былъ имъ лично, они могли бы только сослаться на то, что среди нихъ были такіе люди, какъ И. И. Горбачевскій или М. А. Бестужевъ. Александръ Бестужевъ сказалъ, что помирился бы съ человѣчествомъ тотъ, кто узналъ бы его брата Николая; въ измѣненной редакціи эти слова примѣнимы и къ Михаилу Бестужеву: всякій, узнавшій его, не сталъ бы говорить плохо о декабристахъ!

Памятникъ его личности—его воспоминанія. Онъ началъ записывать свои воспоминанія въ старости, и ему не суждено было оставить цѣльный рассказъ о своей жизни и своемъ времени. Но и разрозненныя

главы, отрывки воспоминаній производятъ впечатлѣніе своимъ удивительнымъ колоритомъ и во весь ростъ рисуютъ предъ нашимъ взоромъ фигуру Михаила Александровича Бестужева, этого „декабриста изъ декабристовъ“. Читая ихъ, просто не вѣришь тому, что ихъ писалъ человѣкъ за шестьдесятъ лѣтъ, человѣкъ, отбывшій и заключеніе въ крѣпости, и какому, и ссылку. Кажется наоборотъ, что все это записывалось на другой день послѣ свершенія: отъ такого впечатлѣнія не отдѣлаешься, напримѣръ, послѣ чтенія разсказа о событіяхъ 14-го декабря. И не потому такъ думаешь, что поражаешься какой-либо чрезмѣрной точностью воспоминанія, обиліемъ фактическихъ деталей! Скорѣе можно сказать, что въ разсказахъ Бестужева иногда чувствуются, даже прямо ощущаются ихъ фактическія погрѣшности: иногда аргюгі можно утверждать, что представленная въ данномъ мѣстѣ дѣйствительность не соотвѣтствуетъ дѣйствительно бывшей: сгущены краски, и преувеличенія очевидны. И, сознавая эти недостатки, можно столь же увѣренно утверждать, что, пиши Бестужевъ эти воспоминанія на другой день послѣ событій, эти недостатки были бы налицо, и историческая дѣйствительность отъ этого не выиграла бы. Дѣло не въ этомъ; что эти воспоминанія писаны старикомъ, трудно повѣрить вотъ почему: слишкомъ много въ нихъ юношескаго пыла и задора! Страстность и горячность—чисто юношескія; ненависть къ деспотизму въ юношѣ Бестужевѣ врядъ ли была красочнѣе, чѣмъ въ старикѣ. Радикализмъ настроенія и мысли въ воспоминаніяхъ Бестужева отличается какъ разъ тѣми особенностями, которыя неразрывно связаны съ нимъ въ юности:—

наивностью и свѣжестью. Жаръ юности Михаилъ Бестужевъ донесъ до своей могилы нерастраченнымъ.

Возможно, конечно, объяснять эти особенности воспоминаній вліяніемъ времени, когда они писались (60-ые годы), вліяніемъ общественнаго подъема, который переживался тогда Россіей. Но такое объясненіе не исчерпываетъ дѣла: тогда необходимо высоко оцѣнить и самую способность сочувствовать передовой волнѣ общественнаго движенія, рѣдкую въ людяхъ этого возраста вообще и въ частности вовсе не являющуюся характерной особенностью стариковъ-декабристовъ въ массѣ.

Изученіемъ мемуаровъ съ литературной стороны не занимались, и нѣтъ какой-либо установленной классификаціи ихъ съ этой точки зрѣнія. Но если къ повѣстямъ Марлинскаго прилагается эпитетъ романтическихъ, то этотъ же эпитетъ вполне приложимъ къ запискамъ Николая и Михаила Бестужевыхъ. Это—романтическія воспоминанія въ нашей мемуарной литературѣ. И такое ихъ опредѣленіе ничуть не понижаетъ ихъ исторической цѣнности. Желаящему ощутить духъ декабристовъ, почувствовать ихъ душу эти „романтическія“ воспоминанія дадутъ больше, чѣмъ иныя записки, богатые фактическимъ содержаніемъ и обильныя историческими подробностями.

I.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

Н. А. БЕСТУЖЕВА.

1. Воспоминаніе о Рылѣевѣ.
2. 14 декабря 1825 года.

Отрывки изъ записокъ Н. А. Бестужева, заключающіе воспоминаніе о Рылѣевѣ, были напечатаны, со значительными сокращеніями и даже измѣненіями въ текстѣ, въ историческомъ сборникѣ П. А. Бартенева „Девятнадцатый вѣкъ“ (М. 1872, кн. I, стр. 338—350). Затѣмъ въ 1904 году на страницахъ „Историческаго Вѣстника“ (апрѣль, стр. 118 и слѣд.) появились новые отрывки изъ записокъ Н. А. Бестужева, со слѣдующимъ сообщеніемъ редакціи: „А. И. Григоровичу, во время занятій въ военно-ученомъ архивѣ, удалось разыскать рукопись записокъ Н. А. Бестужева (отд. IV, № 466). Предоставленный имъ въ распоряженіе редакціи „Историческаго Вѣстника“ списокъ архивной рукописи раздѣляется на двѣ части: первая часть уже напечатана П. И. Бартеневымъ. Вторая въ печати неизвѣстна... Мы находимъ излишнимъ повторять въ печати первую часть записокъ и помѣщаемъ лишь вторую, заключающую воспоминанія о послѣднихъ мѣсяцахъ свободной жизни Рылѣева и о событіяхъ дня 14 декабря 1825 года“. По многимъ основаніямъ приходится думать, что въ военно-ученомъ архивѣ хранится лишь списокъ, а не автографъ записокъ Н. А. Бестужева. Подлинная рукопись записокъ, заключающихъ „Воспоминаніе о Рылѣевѣ“, находится

въ собраніи П. Я. Дашкова; по этой именно рукописи мы воспроизводимъ текстъ „Воспоминанія“. Подлинникъ же отрывка, содержащаго разсказъ о 14 декабря, намъ неизвѣстенъ, но, повидимому, онъ былъ въ рукахъ первыхъ его издателей. Исторія текста этого отрывка изложена въ примѣчаніи на стр. 44.

Подлинная рукопись „Воспоминанія“—тетрадь изъ 16 писчихъ листовъ плотной бумаги зеленоватаго цвѣта. Рукопись носитъ особенности бѣловой; поправокъ очень немного. Въ подлинности нельзя сомнѣваться тому, кто имѣлъ возможность сличить эту рукопись съ почеркомъ показаній Н. А. Бестужева въ Слѣдственной Комиссіи.

Ред.

I.

Воспоминаніе о Рылѣевѣ.

„Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаеъ
На угнетателей народа—
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной—
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю!“
(Исповѣдь Наливайки).

Когда Рылѣевъ писалъ исповѣдь Наливайки, у него жилъ больной братъ мой, Михаилъ Бестужевъ. Однажды онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и читалъ, Рылѣевъ работалъ въ кабинетѣ и оканчивалъ эти стихи. Дописавъ, онъ принесъ ихъ брату и прочелъ. Пророческій духъ отрывка невольно поразилъ Михаила.

— Знаешь ли,—сказалъ онъ,—какое предсказаніе написалъ ты самому себѣ и намъ съ тобою? Ты, какъ будто, хочешь указать на будущій свой жребій въ этихъ стихахъ?

— Неужели ты думаешь, что я сомнѣвался хоть минуту въ своемъ назначеніи,—сказалъ Рылѣевъ.—Вѣрь мнѣ, что каждый день убѣждаетъ меня въ необходимости моихъ дѣйствій, въ будущей погибели, которою мы должны купить нашу первую попытку для

свободы Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ необходимости примѣра для пробужденія спящихъ россіянъ.

Почти въ каждомъ сочиненіи Рылѣева выливается изъ его души подобное предвѣщаніе. Мысль быть орудіемъ или жертвою начатковъ свободы наполняла все его существованіе, составляла единственную цѣль его жизни. Освобожденіе отечества или мученичество за свободу для примѣра будущихъ поколѣній были ежеминутнымъ его помышленіемъ; это самоотверженіе не было вдохновеніемъ одной минуты, подобно рѣшимости древняго Курція или новѣйшаго Винкельрида, но постоянно возростало вмѣстѣ съ любовью къ отечеству, которая, наконецъ, перешла въ страсть— въ высокое восторженное чувствованіе.

Онъ не скрывалъ своихъ предчувствій отъ друзей и родныхъ. Я былъ свидѣтелемъ прощанья съ матерью, нѣжно его любившею и отъѣзжавшею въ деревню. Она была очень грустна; ее тревожила мысль, что не увидитъ болѣе сына, котораго, казалось ей, оставляетъ обреченнаго на какую-то гибельную судьбу. Со всею материнскою нѣжностью просила, чтобы онъ далъ ей спокойно закрыть глаза, что она хочетъ видѣть его счастливымъ и желаетъ умереть съ тою же мыслью, что онъ остается счастливый и послѣ нея.

— Побереги себя,—говорила она,—ты неостороженъ въ словахъ и поступкахъ; правительство подозрительно; шпіоны его вездѣ подслушиваютъ, а ты какъ будто поставляешь славой вызывать ихъ вниманіе.

— Вы напрасно думаете, любезная матушка,—отвѣчалъ Рылѣевъ,—что я вездѣ таковъ же, какъ передъ вами. Моя цѣль выше той, чтобы только дразнить правительство и доставлять работу его наемникамъ. Напротивъ, я скрытенъ съ чужими; мнѣ надобно, чтобы меня оставляли спокойно дѣйствовать. Если

же я откровенно говорю съ друзьями—мы работаемъ вмѣстѣ; ежели я не скрываюсь отъ васъ, это отъ того, что вы болѣе или менѣе раздѣляете мои чувствованія.

— Милый Кондратій, эта откровенность и убиваетъ меня; она и показываетъ, что у тебя есть важные замыслы, которые ведутъ за собою важныя послѣдствія. Съ горестью предвижу, что ты вызываешься умереть не своею смертью, зачѣмъ ты открываешь эту ужасную тайну матери?

Глаза ея были полны слезъ, когда она говорила послѣднія слова.

— Онъ не любитъ меня,—сказала она, обратясь ко мнѣ и взявъ меня за руку,—вы другъ его, пользуетесь его расположеніемъ—убѣдите его—можетъ быть, онъ вамъ повѣритъ, что онъ убьетъ меня, ежели съ нимъ что-нибудь случится... Конечно, Богъ воленъ взять его у меня каждую минуту... но накликать бѣду самому...—Она не могла продолжать.

Я говорилъ къ ея успокоенію, что могъ только придумать, она слушала и качала головой съ недовѣрчивостью. Рылѣевъ взялъ ее за другую руку и началъ:

— Матушка, до сихъ поръ я видѣлъ, что вы говорили только объ образѣ моихъ мыслей, и не таилъ ихъ отъ васъ, но не хотѣлъ тревожить, открываясь въ цѣливсей моей жизни, всѣхъ моихъ помышлений. Теперь вижу—вы угадываете, чего я ищу, чего хочу... Мнѣ должно сказать вамъ, что я членъ тайнаго общества, которое хочетъ ниспроверженія деспотизма, счастья Россіи и свободы всѣхъ ея дѣтей...

Мать Рылѣева поблѣднѣла, рука ея охладѣла въ моей, онъ продолжалъ:

— Не пугайтесь, милая матушка, выслушайте, и вы успокоитесь. Да, намѣреніе наше страшно для того,

кто смотритъ на него со стороны и, не вникая въ него, не видя прекрасной его цѣли, примѣчаетъ одни только ужасы, грозящіе каждому изъ насъ; но вы мнѣ мать—вы можете, вы должны ближе разсматривать своего сына. Если вы отдали меня въ военную службу на жертву всѣмъ ея трудностямъ, опасностямъ, самой смерти, могшей меня постичь на каждомъ шагу—для чего вы жертвовали мной? Вы хотѣли, чтобы я служилъ отечеству, чтобы я исполнилъ долгъ мой, а между тѣмъ материнское сердце, раздѣляясь между страхомъ и надеждой, втайнѣ желало, чтобы я отличался, возвышался между другими—могли ли я искать того и другого, не встрѣчая безпрестанно смерти? Нѣтъ, но вы тогда столько не боялись, какъ теперь; неужели отличія могли уменьшить страхъ вашей потери? Ежели нѣтъ, то я скажу вамъ, для чего вы можете достойно пожертвовать мною. Я служилъ отечеству, пока оно нуждалось въ службѣ своихъ гражданъ, и не хотѣлъ продолжать ее, когда увидѣлъ, что буду служить только для прихотей самовластия; я желалъ лучше служить человѣчеству, избралъ званіе судьи, и вы благословили меня. Что меня ожидало въ военной службѣ? Можетъ быть, военная слава, можетъ быть, безвѣстная смерть: но въ наше время свѣтъ уже утомился отъ военныхъ подвиговъ и славы героевъ, приобретаемой не за благородное дѣло помощи страждущему человѣчеству, но для его угнетенія. Суворовъ былъ великій полководецъ, но слава его блѣднѣетъ, когда вспомнимъ, что онъ былъ орудіемъ деспотизма и побѣждалъ для искорененія расцвѣтавшей свободы Европы. Долженъ ли былъ я, получивъ эти понятія, оставаться въ военной службѣ? Нѣтъ, матушка, нынѣ наступилъ вѣкъ гражданскаго мужества, я чувствую, что